

черноморья столь тесные связи, что греческие сосуды стали неотъемлемой частью погребального инвентаря. Уже со сложившимся погребальным обрядом это население появляется в низовьях Танаиса, где с конца первой четв. V в. до н. э. начинает складываться первый родовой могильник степной Скифии. Неизменность погребального обряда Елизаветовского могильника свидетельствует о стабильном населении, контролировавшем этот важный район в течение V и всего IV в. до н. э. В конце IV в. это население покидает район дельты Дона и на месте скифского торгового центра появляется греческий «город», который в конце первой трети III в. до н. э. гибнет. Нам представляется возможным увязать эти события с военно-политической ситуацией, сложившейся на Боспоре и в степях Северного Причерноморья в кон. IV — нач. III в. до н. э. (Копылов, 1987).

В. Е. Еременко, В. Ю. Зуев

М. И. РОСТОВЦЕВ И ПРОБЛЕМА

КЕЛЬТО-СКИФСКИХ КУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ

В концепции скифской истории М. И. Ростовцева важное место занимает проблема культурных взаимодействий народов Северного Причерноморья в античную эпоху. Рассматривая археологию Скифии как сложный синтез местной (лесостепной) и пришлых — скифской и греческой культур, М. И. Ростовцев в своем «Исследовании по истории Скифии и Боспорского царства» затронул также тему взаимосвязи сложного мира с культурами Центральной Европы, Фракии и Македонии. При разборе античной литературной традиции о Северном Причерноморье он уделил большое внимание характеру сведений о народах, живших к З от скифов, особенно когда их этнонимы являются составными. Считая такие этнонимы творчеством древних авторов, М. И. Ростовцев в случае с «кельто-скифами» Посидония счел необходимым высказаться в пользу существования особых скифо-кельтских контактов, сложившихся на базе культурного взаимодействия кельтов, оставивших латенские памятники Центральной Европы, с местным населением лесостепного Причерноморья, зависимого от скифо-кочевников и их державы.

Обнаруженные после создания книги М. И. Ростовцева археологические данные не только подтверждают эту гипотезу, но и позволяют высказаться о характере кельто-скифских взаимоотношений на рубеже IV—III вв. до н. э. На территории Гетики и Скифии в их расширительном понимании латенские импорты IV—III вв. до н. э. обнаружены более чем в 80 пунктах. Причем один из них — кельтское погребение в Залесье — расположено в самом сердце скифоидного круга культур. Время начала массового появления кельтских импортов к В от Карпат определяется финальной стадией существования стадии Духцов-Мюнзинген, что, по В. Круте, соответствует 320—280 гг. до н. э. Их распространение на В не выходит за пределы бассейна Днепра и, возможно, очерчивает границы державы Атея или же всей Скифии второй пол. IV — нач. III вв. до н. э.

Одним из объяснений большого количества латенских импортов в Скифии и Гетике может служить идея М. И. Ростовцева о консолидации варваров на границах могущественной Македонии Филиппа и Александра. Возможно, в поисках союзников в борьбе с Македонией, кельты и скифы обратили внимание друг на друга. Судя по тому, что походы македонян на С в 339, 335, 331 и 313 и 292 гг. до н. э. были направлены не только против скифов, но и против гетов, складывается впечатление, что наряду с южной антимакедонской коалицией, в которую входили Спарта и Фракия, существовала и менее четко организованная коалиция северных варваров, против которой и были направлены повторявшиеся с завидной периодичностью походы македонских стратегов. «Дружественная» позиция кельтов по отношению к Македонии, выразившаяся в посылке посольств 335 и 324 гг. до н. э., как показали дальнейшие события, была лишь дипломатическим прикрытием подготовки прорыва на Балканы. В сложившейся политической обстановке поддержка антимакедонских настроений скифов и гетов кельтами выглядит более чем естественно. Она не могла не привести к расширению взаимных культурных контактов.

Время совпадения «балканских эпизодов» истории кельтов и скифов, то есть вторая пол. IV — первые десятилетия III вв. до н. э. (латен В_{2а} по европейской хронологии) является временем наиболее массового попадания ранних латенских импортов на территории Гетики и Скифии. Количество латенских импортов после этого периода резко сокращается.

В первые десятилетия III в. до н. э. характер скифо-кельтских контактов резко меняется. Столкновение скифов с вторгнувшимися с В сарматами на самом рубеже IV—III вв. до н. э. и начало активной кельтской экспансии в 280-х гг. на ЮВ прервали непосредственные контакты кельтских и скифских племен. Вслед за крушением скифской державы исчезли и предпосылки существования варварского альянса: после смерти Александра началась длительная полоса войн диадохов, и македонским правителям было уже не до устрашения северных варваров. Контакт трех культур был прерван, не успев стать сколько-нибудь всеобъемлющим. Распространение отдельных раннелатенских типов вещей в Скифии, Гетике и лесной полосе Восточной Европы оказывается локальным и не очень значительным эпизодом культурной истории восточноевропейского населения. Но именно из таких мелких эпизодов и складывается вся история племен Северного Причерноморья, где один политический союз сменяется другим, один грозный правитель побеждает другого, а вся этнокультурная ситуация изменяется очень быстро.

М. А. Очир-Горяева

САВРОМАТЫ И САВРОМАТСКАЯ КУЛЬТУРА

В настоящее время сложилась парадоксальная ситуация, когда частично не совпадает ареал так называемой савроматской археологической культуры и ареал памятников, отождествляемых с собственно савроматами. С савроматами идентифицируются памятники скифского времени Нижнего Дона и Волги, а савроматская археологическая культура, по мнению ряда исследователей, объединяет в одно целое те же памятники Нижней Волги и памятники Южного Приуралья, связываемые с другими этносами (исседоны, дахи). В результате с именем савроматов так или иначе связывается огромная территория от дельты Дона на Западе до верховьев реки Урал на Востоке. Это стало возможным вследствие того, что большинство исследователей разделяет высказанное впервые К. Ф. Смирновым мнение, что савроматов можно понимать как конфедерацию или «группу различных, в основном кочевых племен», так как «инного общего названия для восточных соседей скифов античная литературная традиция не знала вплоть до III—II вв. до н. э.»